

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).4.498-508

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Нариман Фариман оглы Нариманов¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, nariman1953@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа причин и характера негативных явлений в деятельности российской уголовно-исполнительной системы на основе методологии неoinституциональной экономической теории. В частности, характеризуются проявления в пенитенциарном сообществе таких общецивилизационных, с точки зрения неoinституционализма, явлений, как общественные блага, формальные и неформальные правила, внешние положительные и отрицательные эффекты. Представляется, что предлагаемый подход может содействовать более глубокому пониманию истоков и содержания многих негативных процессов в уголовно-исполнительной системе, а также проблем ее функционирования и их решению.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, правопорядок, формальные и неформальные правила, внешние эффекты, тюремная субкультура, пенитенциарный социум

Для цитирования

Нариманов Н. Ф. Социально-экономические проблемы уголовно-исполнительной системы сквозь призму неoinституциональной экономической теории // *Человек: преступление и наказание*. 2024. Т. 32(1–4), № 4. С. 498–508. DOI: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).4.498-508.

Original article

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF THE PENAL SYSTEM THROUGH THE PRISM OF NEO-INSTITUTIONAL ECONOMIC THEORY

Nariman Farman oglu Narimanov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, nariman1953@mail.ru

Abstract. The article attempts to analyze the causes and nature of negative phenomena in the activities of the Russian penal system based on the methodology of neo-institutional economic theory. In particular, the manifestations in the penitentiary community of such general civilizational phenomena, from the point of view of neo-institutionalism, as public goods, formal and informal rules, external positive and negative effects are characterized. It seems that the proposed approach can contribute to a deeper understanding of the origins and content of many negative processes in the penal enforcement system, as well as problems of its functioning and their solution.

Keywords: penal system, law and order, formal and informal rules, external effects, prison subculture, penitentiary society

For citation

Narimanov, N. F. 2024, 'Socio-economic problems of the penal system through the prism of neo-institutional economic theory', *Man: crime and punishment*, vol. 32(1–4), iss. 4, pp. 498–508, doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).4.498-508.

Достижения представителей неинституциональной экономической теории в исследовании проблем различных сфер общества получили высокую оценку ученых-обществоведов. Благодаря методам неинституционального анализа удалось сделать важные научные выводы в таких областях жизни, где раньше экономическая наука считалась бессильной или малоэффективной. Примерами могут служить исследования процесса принятия политико-экономических решений государственными органами (теория общественного выбора), анализ экономических основ преступности и наказания, изучение экономического поведения семьи и др.

Одной из сфер общества, где потенциал неинституциональной теории еще не нашел достаточного применения, выступает уголовно-исполнительная система (УИС). В статье ставится задача анализа социально-экономических проблем в деятельности УИС с помощью использования категориального аппарата неинституциональной теории. Отдельные стороны деятельности УИС с применением методов и принципов неинституциональной теории получили определенное рассмотрение в трудах экономистов, юристов, социологов, психологов и представителей других общественных наук [1–8]. По нашему мнению, применяя такие категории неинституционализма, как «общественные блага», «формальные и неформальные правила», «внешние эффекты», можно добиться более глубокого понимания проблем функционирования УИС и выработать пути их эффективного решения.

К числу достижений экономической науки можно отнести понимание характера блага, создаваемого в ходе деятельности уголовно-исполнительной системы. Многие ис-

следователи таким благом называют правопорядок, который имеет достаточно сложную структуру, обеспечиваемую всей системой правоохранительных органов [3, 9, 10]. В процессе создания этого блага каждый орган правоохранительной системы выполняет свою функцию в кооперации с другими. УИС в этой кооперации специализируется на восстановлении социальной справедливости и ресоциализации осужденных. Вместе взятые, эти две важнейшие характеристики раскрывают содержание общественного блага УИС [11].

В литературе нередко применяется сервисный подход к оценке функций УИС и трактовке содержания создаваемого ею блага. Так, И. Д. Котляров рассматривает исполнение приговора как сервисный продукт, который навязывается осужденному силой [12]. В основе такой позиции фактически лежит отождествление понятий «благо», «сервис» и «услуга». Однако услуга по определению предполагает добровольное заключение сделки, которая в обязательном порядке приносит получающей стороне ту или иную полезность или ценность. С точки зрения сервисного подхода в качестве полезности в данном случае выступает применяемое по отношению к правонарушителю наказание. Но это неоправданно вольное обращение с уже прочно вошедшими в научный оборот понятиями «благо», «услуга» и «полезность». Получается, что любая услуга, навязываемая человеку, в том числе посредством применения насилия, превращается в сервисное обслуживание и в нашем случае вменяется УИС. Практическая реализация такого сервиса в УИС может резко повысить допустимый законом уровень насилия и создать множество коллизий в ее деятельности.

Конечный продукт деятельности УИС – это не сервисный продукт, а создаваемое в рамках обеспечения правопорядка общественное благо, содержание которого – восстановление социальной справедливости и ресоциализация осужденных. Первая сторона этого блага охватывает такие функции УИС, как изоляция, сдерживание и возмездие. Эта сторона блага нацелена на защиту и восстановление нарушенных законных интересов пострадавших, а вторая сторона блага – ресоциализация – обеспечивает перевоспитание осужденных и их социальную реабилитацию для возвращения в общество.

Общеизвестно, что людьми и обществом управляют определенные социальные нормы и правила. Согласно неоинституциональной экономической теории нормы, правила и институты играют решающую роль во всех сферах общества. По мнению Д. Норта, «институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия, будь то в политике, социальной сфере или экономике» [13, с. 19]. При этом наряду с формальными правилами, которые закреплены в законодательном порядке, не меньшее значение имеют и неформальные правила. Если быть точнее, неформальные правила лежат гораздо глубже, чем формальные. Это связано с тем, что неформальные правила являются источником происхождения формальных и во многом определяют, дополняют их. Неформальные институты представляют собой основополагающие ценности, которые изначально формируют основу цивилизации во всех ее сферах. Неформальные правила возникают в тех условиях, когда формальные нормы, поддерживаемые силой государства, оказываются недостаточны для регулирования общественных процессов, не соответствуют ожиданиям людей и отличаются высокими издержками, связанными с их исполнением.

Таким образом, в обществе существует постоянное взаимодействие формальных и неформальных правил. В статичном состоянии можно выделить два варианта взаимодействия: а) формальные и неформальные нормы соответствуют друг другу; б) формальные и неформальные нормы противоречат друг другу. На самом деле в динамике в соотношении формальных и неформальных правил наблюдаются различные комбинации, характеризующиеся разными результатами и эффективностью институционального регулирования. В институциональной литературе чаще всего в их взаимодействии выделяются следующие разновидности: гармония, нейтральность, рассогласованность и конфликт [14, с. 18–19].

В УИС взаимодействие формальных и неформальных норм имеет более разнообразный и сложный характер по сравнению с другими сферами жизнедеятельности общества. Мы считаем, что для УИС больше всего характерны следующие разновидности взаимодействия: взаимодополнение, рассогласованность и конфликт. Такое разнообразие обусловлено самим существованием тюрьмы в качестве государственного института, где действует ущемление многих прав и свобод, характерных для гражданского общества, и осуществляется тотальное регулирование всех сторон жизни осужденных.

По мнению Ф. Хайека, условием возникновения неформальных правил в разных сферах общества выступает противопоставление «порядка, основанного на законе» (legal order) и «самопроизвольного порядка» (spontaneous order). Такое противопоставление пронизывает также всю деятельность уголовно-исполнительной системы. Порядок, основанный на воле государства, представляет собой принудительное осуществление наказания с существенными ограничениями прав и свобод осужденных. Вполне естественно, что такой порядок вызывает значительный протест осужденных, которые противопоставляют формальным правилам неформальные. Последние им кажутся более обоснованными и справедливыми и обуславливают такую модель поведения, которая позволяет осужденным сопротивляться действию формальных норм, диктуемых государством. При этом важнейшей сферой борьбы между формальными и неформальными правилами выступает такая ключевая общечеловеческая ценность, как свобода. Ее значимость как важнейшей ценности для осужденных отмечается многими авторами [2, с. 16].

Удовлетворение этой потребности в рамках пенитенциарного социума для осужденных кардинальным образом ограничивается. Осужденные в целом не желают осознать, что лишение многих атрибутов свободы является следствием их преступных деяний, направленных против свободы и прав законопослушных граждан. Они стремятся расширить границы собственной свободы в условиях пенитенциарного социума. Именно такое положение дел составляет основу возникновения неформальных правил. С помощью таких правил осужденные стремятся «узаконить» свои права и свободы. «Насилие и сопротивление ему порождают конфликт, в основе которого лежат две разные правовые идеологии, базирующиеся на нормах естественного и позитивного права... Эти нормы рассматриваются каждым из участников конфликта сквозь субъективную призму справедливости. Данное противоречие и обусловило, на наш взгляд, возникновение тюремных «понятий» и производных от них «воровских законов» как неформальной правовой основы защиты от «несправедливого» применения норм позитивного права» [2, с. 82–83].

Перейдем к рассмотрению различных сочетаний формальных и неформальных правил в тюремном сообществе.

Состояние взаимодополнения между правилами регулирования пенитенциарного социума означает, что формальные и неформальные нормы дополняют друг друга, обогащая процесс регулирования в целом. Важным моментом в таком соотношении выступает то, что различия между правилами суммируются и образуют уникальную мозаичную целостность, где повышается эффективность институционального регулирования, а его издержки оказываются достаточно низкими. Состояние взаимодополнения может осуществляться при различном сочетании преваляирования одних правил над другими. В качестве примера можно привести назначение во всех подразделениях тюрьмы ответственного со стороны не только администрации, но и криминальной оппозиции. Таковым выступает «смотрящий» за зоной. При этом выбор кандидатуры «смотрящего» должен «устраивать руководство учреждения и, как правило, согласовывается с ним в негласном порядке» [15, с. 13]. Следует отметить, что такая ситуация не означает примирения чуждых форм регулирования тюремной жизни, а отражает некое равенство сил, где каждая сторона получает определенные выгоды. Она может сохраняться лишь определенное время, пока противоборствующие стороны не создадут условия для вытеснения друг друга из различных сфер жизнедеятельности тюрьмы. Нельзя отрицать и того, что при достижении жесткой договоренности между администрацией и криминальной оппозицией совместное существование формальных и неформальных правил может продолжаться достаточно длительный срок.

Состояние рассогласованности между формальными и неформальными правилами предполагает их конкуренцию в институциональном воздействии на объект. В данной ситуации формальные и неформальные правила будут существовать как параллельные системы общественного контроля и регулирования, действующие независимо друг от друга. При этом можно наблюдать, что осужденные в большей мере будут подчиняться требованиям неформальных правил. В силу этого обстоятельства искомый результат если и будет достигнут, то издержки окажутся достаточно высокими. Состояние рассогласованности рано или поздно переходит в состояние конфликта между ними, поскольку нейтральное взаимодействие не позволяет добиться искомых целей ни администрации, ни криминальной оппозиции.

Конфликтность взаимосвязи формальных и неформальных правил в конечном итоге предполагает подавление одних правил другими, в ходе которого разворачивается борьба на уничтожение. Такое состояние взаимодействия может быть достаточно длительным, а его результат может оказаться весьма плачевным с точки зрения регулирования организации или процессов. При этом неизменно вырастут издержки со стороны субъектов, выступающих за проведение как формальных, так и неформальных правил.

Наиболее крайним проявлением взаимодействия формальных и неформальных правил в пределах тюремной системы стало существование в нашей стране так называемых красных и черных зон. Такое деление тюрем в истории отечественной пенитенциарной системы означало, что в первом случае управление осуществлялось законными органами власти, во втором – управление находилось в руках криминальных структур. Это явное подавление одними нормами других демонстрирует завершение конфликтного соотношения формальных и неформальных норм и полную победу в первом случае формальных правил, а во втором – неформальных над формальными. Худшим вариантом является второй случай. Причины подавления неформальными правилами формальных могут быть самые разные (коррупционные связи тюремной администрации с криминальными авторитетами, шантаж криминальными лидерами руководителей ад-

министрации по самым различным основаниям и др.). В этом случае от формальных правил регулирования остаются лишь внешние атрибуты или видимость. Такое состояние дел требует проведения экстренных мер для кардинального изменения ситуации с целью восстановления законных норм регулирования тюремной жизни.

Общие причины преваляирования неформальных правил над законодательно установленными нормами и формы их проявления достаточно подробно рассмотрены в трудах специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права [2, 5, с. 15–22]. С учетом этого обстоятельства хотелось бы уделить особое внимание институциональным причинам доминирования неформальных правил над формальными. К ним относятся:

- а) низкое качество и высокие издержки установленных формальных правил;
- б) существование серьезного «зазора» между установленными формальными правилами и их реальным воплощением на практике;
- в) избыточность формальных правил, которая ведет к расширению административных процедур и ужесточению контроля и сужению и без того жестко регламентируемых прав и свобод осужденных.

Названные причины имеют множество конкретных проявлений: применение побоев и насилия; пронос на территорию зоны сотрудниками запрещенных законом предметов; вхождение членов тюремной администрации в коррупционные связи с осужденными и их представителями ради облегчения участи сидельцев, предоставления дополнительных свиданий, составления фиктивной положительной характеристики для условно-досрочного освобождения и т. д. В отечественной литературе такие формы превышения власти и прямые нарушения законодательных норм достаточно полно описаны и предложены пути их искоренения [4, с. 82–87].

На деле все нарушения, препятствующие осуществлению формальных правил, подтачивают основы государственного законодательства в уголовно-исполнительной системе и способствуют возникновению совокупности неформальных норм, обеспечивающих усиление власти криминальной оппозиции. Распространение неформальных правил в тюремной среде порождает несопоставимо больше негативных, чем положительных последствий.

По нашему мнению, для анализа таких последствий вполне применима существующая в неоинституциональной экономической науке теория внешних эффектов. Основы теории внешних эффектов заложил английский экономист А. Пигу в 1920-е годы. Он предложил понятие экстерналий (внешних эффектов), на основе которого разделил частные и общественные блага. Внешними эффектами называют прямые, не опосредованные рынком воздействия одного экономического агента на результаты деятельности другого. Эти воздействия могут быть благоприятными, в этом случае их называют положительными внешними эффектами, и неблагоприятными, тогда их называют отрицательными внешними эффектами.

Положительные эффекты, создаваемые в УИС, проявляются в жизнедеятельности как законопослушных граждан, так и осужденных. Наиболее значимыми положительными эффектами, приобретаемыми законопослушными гражданами, являются повышение уровня их безопасности; возмещение нанесенного материального ущерба; возмещение морального ущерба; моральное удовлетворение в связи с восстановлением справедливости. Положительные внешние эффекты, как это ни покажется странным, проявляются и по отношению к осужденным. Эти положительные эффекты играют весьма

важную роль в обеспечении такой функции, как ресоциализация осужденных. К числу таких эффектов можно отнести: получение общего и профессионального образования; приобретение трудовых навыков и опыта. К сожалению, условия пенитенциарного социума сильно препятствуют распространению положительных внешних эффектов среди осужденных и в большей степени формируют у них качества, которые после освобождения могут нанести ущерб интересам законопослушных граждан.

В деятельности УИС преобладают отрицательные внешние эффекты, которые наносят урон интересам как законопослушной части общества, так и самих осужденных. Они во многом связаны с определенной противоречивостью элементов правопорядка. Сочетание в одном процессе таких элементов, как изоляция, наказание, сдерживание и ресоциализация, само по себе создает множество отрицательных эффектов.

К отрицательным эффектам, наносящим урон жизнедеятельности законопослушных граждан, относятся рецидивная преступность; распространение элементов тюремной субкультуры в обществе; нравственные страдания и материальные лишения родственников осужденных; сокращение трудоспособного населения в обществе и тем самым снижение ВВП страны. Отрицательные внешние эффекты, касающиеся осужденных, достаточно разнообразны. Они во многом связаны со сосредоточением в замкнутом пространстве людей с противоправным поведением и нередко с неприкрытыми криминальными наклонностями. К числу таких негативных последствий относятся: усвоение тюремной субкультуры и ее распространение после освобождения; разрушение семьи; потеря общественно значимых связей с друзьями, знакомыми и коллегами; подрыв здоровья и психологические расстройства; посягательства на жизнь осужденных в местах лишения свободы; произвол со стороны персонала учреждений.

Такой набор отрицательных эффектов, обусловленных неформальными правилами тюремной системы, сопровождает многих осужденных и после освобождения, создавая значительные угрозы жизни окружающих их людей. Как справедливо отмечает В. И. Цуриков, «огромное число заключенных, отбывающих свой срок в нечеловеческих условиях, после выхода на свободу способствует интенсивному распространению среди населения неформальных норм и ценностей, принятых в уголовном мире, фактически заражая ими население, что инициирует новые преступления» [22, с. 137]. Такая ситуация делает необходимым коренной пересмотр идеологии процесса наказания, особенно тех его форм, которые предполагают изоляцию людей. По нашему мнению, наиболее значимыми составляющими такого пересмотра должны быть следующие:

- а) полное отделение содержания осужденных, способных социализироваться, от тех осужденных, которые прочно поддерживают поведенческую модель криминальной среды;
- б) отказ от барачной системы содержания осужденных;
- в) привлечение к трудовой деятельности максимального количества осужденных;
- г) замена форм наказания, предусматривающих изоляцию от общества, экономическими формами наказания.

О первых двух формах изменений в системе исполнения наказаний говорится уже долго. Они часто упоминаются в публикациях ученых, рассматриваются в официальных документах государства. Между тем реализация этих весьма необходимых мер против распространения тюремной субкультуры далека от требуемого уровня. Основная проблема заключается в недостаточном финансировании деятельности уголовно-исполнительной системы. Понятно, что в условиях проведения СВО изыскать дополнительные

финансовые ресурсы для улучшения финансирования УИС очень нелегко. Следовательно, нужно найти альтернативные источники для осуществления этих мероприятий. Думается, что реальными источниками дополнительных финансовых ресурсов для пенитенциарной системы могут служить следующие два направления.

Для привлечения максимального количества осужденных к общественно полезному труду, кроме капитальных вложений и создания других условий, необходимо прежде всего изменить мотивацию осужденных к трудовой деятельности. По нашему мнению, эффективность труда осужденных могла быть значительно выше, если бы сроки их наказания имели прямую связь с конечными результатами их трудовой деятельности, то есть они сокращались бы в случае значительных трудовых достижений. Естественно, что такой принцип применим далеко не ко всем осужденным, а только по отношению к тем, чьи преступные действия не повлекли за собой необратимые последствия. Нормирование и расчет трудовых достижений для сокращения срока наказания осужденного не вызовет особых затруднений. Разумеется, это потребует внесения изменений в ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания». В таком случае совершенно по-другому могла бы заработать реализация института условно-досрочного освобождения, а заинтересованность осужденных в трудовой деятельности резко возросла. Предлагаемое изменение может привести к увеличению продукции и улучшению финансовых показателей учреждений УИС и появлению дополнительных средств для ее развития.

Применение экономических мер наказания к осужденным вместо изоляции их от общества, несмотря на очевидные преимущества, остается все еще недооцененным в нашем обществе. В качестве подобной меры лауреат Нобелевской премии по экономике американский ученый Г. Беккер предлагает штраф. К явным преимуществам штрафа, при том что нанесенный ущерб подлежит точной денежной оценке, относятся:

- 1) преодоление издержек, связанных с наказанием в виде лишения свободы в форме затрат на исполнение наказания, содержание самих заключенных и их охрану;
- 2) возможность полного возмещения нанесенного материального и морального ущерба потерпевшей стороне с учетом уровня ключевой ставки Центрального банка;
- 3) компенсация издержек раскрытия преступления и ареста преступника.

По нашему мнению, компенсация за издержки раскрытия преступника и его ареста должна включать в себя и некоторую часть (допустим, 10 %) от величины издержек, связанных с наказанием в виде лишения свободы, и отправлена в распоряжение ФСИН России для целевого финансирования деятельности уголовно-исполнительной системы.

Однако самым главным преимуществом штрафов, которое не поддается денежной оценке, является предупреждение вхождения преступника в криминальный мир, усвоения им криминальной субкультуры и последующего ее распространения в обществе после отбытия наказания. Это дает возможность избавить общество от значительного количества отрицательных внешних эффектов, распространяемых как на законопослушных граждан, так и на самих нарушителей закона.

Список источников

1. Левинсон А. Неформальные структуры в местах принудительного содержания // Вестник общественного мнения. 2016. № 3-4(122). С. 130–140.

2. Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Напханенко И. П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм (понятий) в среде осужденных к лишению свободы // *Философия права*. 2016. № 1(74). С. 82–87.

3. Нариманов Н. Ф. Содержание и особенности общественного блага, предоставляемого уголовно-исполнительной системой // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 2(73). С. 143–147.

4. Нариманов Н. Ф. Внешние эффекты при исполнении уголовных наказаний // *Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: современное состояние и перспективы* : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 27–28 окт. 2011 г.) : в 2 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. Т. 2. Ч. 2. С. 178–180.

5. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М. : ИНФРА-М, 2021. 418 с.

6. Волков А. А., Волков М. А., Уваров И. А. Особенности функционирования неформальных норм поведения в условиях мест лишения свободы // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2019. № 2. С. 114–120.

7. Игнатъев А. М. Конгруэнтность формальных и неформальных норм в местах лишения свободы как условие стабильного функционирования исправительных учреждений // *Синергия наук*. 2018. № 24. С. 1037–1042.

8. Уваров И. А. Идеология пенитенциарного сообщества в системе формирования общественного сознания осужденных // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2012. № 18. С. 40–43.

9. Богданов Л. Финансы уголовно-исполнительной системы // *Отечественные записки*. 2003. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/finansy-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy.html> (дата обращения: 10.08.2024).

10. Кузнецов Ю. Правопорядок как экономическое благо // *Отечественные записки*. 2003. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/pravoporyadok-kak-ekonomicheskoe-blago.html> (дата обращения 10.08.2024).

11. Нариманов Н. Ф. Методологические основы исследования социально-экономической эффективности уголовно-исполнительной системы // *IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России* : сб. тез. выступ. и докл. участников : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 9. С. 158–163.

12. Котляров И. Д. Новый взгляд на функции уголовно-исполнительной системы: сервисный подход // *Юрист-Правоведъ*. 2015. № 2(69). С. 26–30.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 188 с.

14. Носова С. С. Институциональная экономика : учебник. М. : Кнорус, 2015. 216 с.

15. Кутякин С. А. Понятие, содержание и структура криминальной оппозиции в местах лишения свободы России // *Всероссийский криминологический журнал*. 2009. № 1. С. 11–15.

16. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2012. 152 с.

17. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 210 с.

18. Барабанов Н. П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 28–36.
19. Кутякин С. А., Гришин Д. А. Структура, содержание и особенности конфликта между криминальной организацией осужденных к лишению свободы и администрацией исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек и общество. 2015. № 7. С. 78–82.
20. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Тюремная субкультура в России. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. 112 с.
21. Гилинский Я. И. Призонизация по-русски // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 434–441.
22. Цуриков В. И. Экономический подход к преступлениям и наказаниям. Обязательно ли вор должен сидеть в тюрьме? // Экономическая наука современной России. 2008. № 4(43). С. 135–140.

References

1. Levinson, A. 2016, 'Informal structures in places of forced detention', *Bulletin of Public Opinion*, iss. 3-4(122), pp. 130–140.
2. Bilous, E. N., Kutyakin, S. A. & Naphanenko, I. P. 2016, 'The antagonistic nature of the factors causing the emergence of informal prison norms ("concepts") among those sentenced to imprisonment', *Philosophy of Law*, iss. 1(74), pp. 82–87.
3. Narimanov, N. F. 2011, 'The content and features of the public good provided by the penal enforcement system', *Man: crime and punishment*, iss. 2(73), pp. 143–147.
4. Narimanov, N. F. 2011, 'External effects in the execution of criminal penalties', in *Organizational and legal, psychological, pedagogical and socio-economic support of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation until 2020: current state and prospects: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (Ryazan, October 27–28, 2011)*, in 2 vols, vol. 2, part 2, pp. 178–180, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
5. Oleinik, A. N. 2021, *Prison subculture in Russia: from everyday life to state power*, INFRA-M, Moscow.
6. Volkov, A. A., Volkov, M. A. & Uvarov, I. A. 2019, 'Features of the functioning of informal norms of behavior in conditions of places of deprivation of liberty', *Humanitarian and legal studies*, iss. 2, pp. 114–120.
7. Ignatiev, A. M. 2018, 'Congruence of formal and informal norms in places of deprivation of liberty as a condition for stable functioning of correctional institutions', *Synergy of Sciences*, iss. 24, pp. 1037–1042.
8. Uvarov, I. A. 2012, 'Ideology of the penitentiary community in the system of formation of public consciousness of convicts', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 18, pp. 40–43.
9. Bogdanov, L. 2003, 'Finances of the penal enforcement system', *Otechestvennye zapiski*, iss. 2, viewed 10 August 2024, <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/finansy-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy.html>.
10. Kuznetsov, Yu. 2003, 'Law and order as an economic benefit', *Otechestvennye zapiski*, iss. 2, viewed 10 August 2024, <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/pravoporyadok-kak-ekonomicheskoe-bлаго.html>.
11. Narimanov, N. F. 2019, 'Methodological foundations of the study of the socio-economic efficiency of the penal enforcement system', in *IV International Penitentiary Forum "Crime,*

punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants, to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the FPS of Russia, in 10 vols, vol. 9, pp. 158–163, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

12. Kotlyarov, I. D. 2015, 'A new look at the functions of the penal enforcement system: service approach', *Jurist-Pravoved*, iss. 2(69), pp. 26–30.

13. North, D. 1997, *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*, Nachala, Moscow.

14. Nosova, S. S. 2015, *Institutional economics: textbook*, Knorus, Moscow.

15. Kutyakin, S. A. 2009, 'The concept, content and structure of criminal opposition in places of detention in Russia', *All-Russian Journal of Criminology*, iss.1, pp. 11–15.

16. Alexandrov, Yu. K. 2012, *Essays on criminal subculture*, Human rights, Moscow.

17. Anisimkov, V. M. 2003, *Russia in the mirror of the prison's criminal traditions*, Law Center Press, St. Petersburg.

18. Barabanov, N. P. 2014, 'Criminological and psychological characteristics of the criminal subculture of convicts', *Penal law*, iss. 2, pp. 28–36.

19. Kutyakin, S. A. & Grishin, D. A. 2015, 'Structure, content and features of the conflict between the criminal organization of persons sentenced to imprisonment and the administration of correctional institutions of the penal enforcement system of Russia', *Bulletin of the Russian New University, Series Man and Society*, iss. 7, pp. 78–82.

20. Lysak, I. V. & Cherkasova, Yu. Yu. 2006, *Prison subculture in Russia*, Publishing House of TRTU, Taganrog.

21. Gilinsky, Ya. I. 2003, 'Prisonization in Russian', *Domestic notes*, iss. 2, pp. 434–441.

22. Tsurikov, V. I. 2008, 'Economic approach to crimes and punishments. Does a thief have to be in jail?', *Economics of modern Russia*, iss. 4(43), pp. 135–140.

Информация об авторе

Н. Ф. Нариманов – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, географии и экологии.

Information about the author

N. F. Narimanov – PhD (Economic Sciences), Associate Professor, associate professor of the economic theory, geography and ecology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.11.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.11.2024.